

в) описание конструктивного принципа языковой игры, определяющего ассоциативный контекст и воздействующий потенциал эргонима;

г) характеристика поликодовой организации эргонима;

д) приведение данных свободного и направленного ассоциативных экспериментов, основанных на показаниях обыденного языкового сознания разных социальных страт городского населения и выявляющих прагматические факторы и аксиологические доминанты восприятия лингвокреатива городского пространства;

е) зона оценки – удачность/неудачность, приятие/неприятие лингвокреатива для номинирования объектов соответствующего типа.

Примечания

1. Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021) / О. В. Абакумова, Т. В. Ахутина, В. Н. Базылев [и др.]. М., 2021. 626 с.

2. Грдина Т. А., Коновалова Н. И. Лингвокреативный потенциал эргономичностей в аспекте их порождения и восприятия: экспериментальное исследование // Вопр. психолингвистики. 2022. № 2(52). С. 30–45.

© Е. В. Дзюба

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Россия

ДОСТОВЕРНОЕ VS. НЕДОСТОВЕРНОЕ ЗНАНИЕ В ЯЗЫКЕ И ДИСКУРСЕ

Аксиологически значимый для человека и общества феномен достоверного и недостоверного знания относится не только к рациональной, но и эмоциональной сфере, которые в когнитивии не разграничиваются, но дополняют друг друга [1]. *Достоверный* означает ‘достойный веры, доверия’; *достойный* от общеслав. *достой* со значением ‘приличие’ (ср.: *вести себя достойно*), что актуализирует этический компонент семантики слова *достоверный*. В БТСРЯ *достоверный* трактуется как «соответствующий действительности; точный, подлинный» [2]. В «Словаре...» под ред. А. П. Евгеньевой фиксируется не только значение соответствия объекта характеристики реальности (‘точность, подлинность, реальность’), но также акцентируется внимание на модальности, отношении субъекта к объекту речи или мысли, ср.: «достоверный — не вызывающий сомнений; подлинный, реальный» [3]. *Верный* в свою очередь образуется от вера, а «*věra восходит к и.-е. корню со значением ‘истинный,

правильный' [4]. Таким образом, проверенное, многократно и разносторонне выверенное знание, соотносимое с реальностью (объективностью), становится для человека частью его внутреннего (ментального и эмоционального) мира, приобретает статус достойного веры, что делает его ценным.

Разную степень достоверности передаваемой информации выражают единицы языка: существительные и прилагательные, фиксирующие, что познание фокусируется именно на правильности и обоснованности рассуждений и выводов, их непротиворечивости и значимости; адъективные единицы, которые указывают на соответствие или несоответствие статусу правильности и обоснованности; глаголы интеллектуальной деятельности, речевого воздействия, эмоционально-оценочного отношения; средства выражения субъективной модальности (частицы, вводные слова), которые репрезентируют отношение уверенности или сомнения в правдивости, истинности той или иной информации; языковые маркеры категории эвиденциальности.

С позиции интенциональной направленности когниции знание, понимаемое как некий объем информации, разграничивается на «знание для истины» (онтологический аспект), «для себя» (психологический аспект), «для другого» (социальный аспект). Достоверность/недостоверность информации, соотносимая с разнообразными интенциями субъекта познания, получающего и транслирующего к.-л. сведения, определяют статус этого знания: истина, правда, мнение, суждение, точка зрения, позиция, соображение, гипотеза, предположение, догадка и т. д. Онтологическое (гносеологическое) понимание достоверности обеспечено многовековым опытом научного познания (выработаны и совершенствуются по сей день методы, приемы и способы верификации данных). Знание, полученное «для себя», обеспечивает человеку психологический комфорт или дискомфорт (так называемый «когнитивный диссонанс», вызванный противоречием между двумя или более когнитивными элементами: знаниями, убеждениями, ценностями и под. [5]).

Социальные аспекты восприятия информации связаны в первую очередь с правдой, но не с верой, доверием и достоверностью: «... эти два слова (*вера* и *правда*) ... различны прежде всего по своей логической природе. *Вера* и ее семантические дериваты, как правило, обозначают внутреннее свойство (или состояние) человека, ... тогда как *правда* в своем исходном значении ... определяется как *соответствие, верность действительности* или как соответствие некоторой норме или образцу» [6, с. 377]. При этом ... вера —

«изнутри» человека, исходя из его ментального мира, а правда — извне, из социальной действительности» [6, с. 384]. Философы, социологи, политологи, лингвисты, психологи, когнитологи именно поэтому говорят о наступлении сегодня эпохи *постправды*, или *постистины*, ср.: «в эту эпоху *постистины* легко отыскать любые данные, какие только захочется, и прийти к любому выводу, к какому только пожелаете» [7]. Однако мы не используем термины **постдостоверность*, **постдоверие*: можно оспаривать чье-л. мнение, не соглашаться с какой-л. оценкой, противостоять коалиционным взглядам и намерениям, но вряд ли можно отрицать достоверное знание, то есть такое, которое многократно выверено, разнообразными способами и средствами проверено, удостоверено конфедерацией наук, иными словами — доведено до уровня знания, достойного веры, доверия. (Когнитология, обобщающая достижения социально-гуманитарных, естественных и технических наук, имеет ресурсы для выработки достоверного знания.)

В современном мире категория достоверности/недостоверности знания актуальна в разных сферах: военной, политической, судебной, медийной, образовательной. Распространение недостоверной или откровенно ложной информации стало особенно масштабным с развитием коммуникационных технологий, особенно — генеративного искусственного интеллекта. В этой связи следует подчеркнуть фундаментальное значение достоверного знания для обеспечения когнитивной безопасности как на уровне индивидуального, так и общественного сознания [8]. Практическое значение достоверного знания с наибольшей выраженностью проявляется сегодня в политическом дискурсе, особенно — в контексте международных отношений. В условиях глобальной информационной среды, где фейковые новости, дезинформация и манипуляции с общественным мнением становятся серьезными угрозами, достоверное знание приобретает стратегическое значение. Политические решения, основанные на недостоверной информации, могут привести к серьезным последствиям, включая конфликты и дестабилизацию международной системы. Достоверное знание является обязательным условием обеспечения транспарентности в системе международных отношений, оно способствует формированию доверия между различными акторами, позволяет избегать конфликтов и напряженности, обеспечивая тем самым устойчивое развитие и гармоничное сосуществование народов и государств.

Примечания

1. *Рябцева Н. К.* Эмоциональная сфера человека: интегральное представление эмоционального, рационального и эстетического в состояниях

сознания в языке и коммуникации // Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков: коллективная монография. М.: ИЯ РАН, 2020. С. 70–123.

2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovuj-slovar>

3. Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

4. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1986–1987. <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>

5. *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. М.: Эксмо, 2018. 256 с. (Серия: Классика психологии).

6. *Толстая С. М.* Вера и правда: к истории понятий // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. № 9. С. 375–388.

7. *Фуллер С.* Постправда. Знание как борьба за власть. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=615641>

8. Прологомены когнитивной безопасности: коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели. СПб.: ИД «Петрополис», 2023. 488 с.

© **Е. П. Иванова, М. В. Корышев,
М. В. Хохлова**

*Санкт-Петербургский
государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ИЗВЛЕЧЕНИЕ КОЛЛОКАЦИЙ ИЗ БОЛЬШИХ КОРПУСОВ РУССКОГО, НЕМЕЦКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ: СРАВНЕНИЕ КОРПУСНЫХ И СЛОВАРНЫХ ДАННЫХ

Применение статистических методов к большим языковым данным дает возможность по-новому взглянуть на явление сочетаемости, определяющееся как грамматическими и лексическими особенностями, так и вероятностными характеристиками. В работах, посвященных автоматическому извлечению коллокаций, обсуждается использование тех или иных статистических мер [1], при этом уделяется мало внимания возможностям их комбинирования (как, например, в работе [2]). Также отдельного изучения заслуживают коллокации, полученные при помощи одних и тех же метрик на основе разных языков.

Целью нашей работы является сопоставление результатов автоматического выделения коллокаций статистическими методами из корпусов трех языков (русский, немецкий, французский), что позволит описать возможности и ограничения статистического аппарата применительно к задаче извлечения устойчивых словосочетаний в разных языках. В качестве материала для исследования нами были